

culture of the past, to overcome the loss of integrity and meaning in the modern era, thanks to the properties and functions of poetic language.

Key words: Russian poetry; poetic language; M. Amelin.

УДК 821.161.1.09“18”

ИДЕЯ «ПРАВЕДНИЧЕСТВА» В «ВИЗАНТИЙСКИХ» ЛЕГЕНДАХ Н.С. ЛЕСКОВА

В.А. Филимонова

*Научный руководитель: А.А. Арустамова,
доктор филологических наук, доцент (ПГНИУ)*

В статье рассматривается развитие идеи «праведничества» в поздних «византийских» легендах Н.С. Лескова. Дается краткий обзор развития проблемы изображения праведников и их соотношения с духовенством в произведениях писателя. Автор приходит к выводу о существовании оппозиции учения церкви и естественного «праведничества» в легендах.

Ключевые слова: легенды Н.С. Лескова; христианство; противопоставление; «праведничество».

В отечественном литературоведении «праведничество» принято выделять в качестве ключевой идеи в творчестве Н.С. Лескова. К исследованию его произведений, в частности, цикла легенд, в подобном аспекте ученые-литературоведы обращаются с середины 1950-х гг. Тему «праведничества» в творчестве писателя затронули такие исследователи, как Д.С. Лихачев, Г.В. Мосалева, А.М. Ранчин и др. В настоящее время существует большое количество трудов, в которых подробно исследуются образы праведников у Н.С. Лескова. Однако меньшее внимание уделялось сопоставлению праведнического, но выходящего за формальные рамки церковного образа жизни героя и жизни тех, кто строго следует церковным правилам.

В цикл «византийских» легенд принято включать целый ряд поздних произведений Н.С. Лескова, написанных и изданных в 1880–1890-е гг. На наш взгляд, целесообразно будет провести анализ трех из них: «Повесть о богоугодном древоколе» (1886), «Скоморох Памфалон» (1887), «Легенда о совестном Даниле» (1888).

Прежде чем перейти к анализу легенд, целесообразно будет рассмотреть историю вопроса в контексте всего творчества Н.С. Лескова. Первые значительные попытки изображения «праведничества» как явления писатель предпринимает в романе-хронике «Соборяне» (1872), цикле «Праведники» («Очарованный странник» (1873) и др. произведения), а также в цикле очерков «Мелочи архиерейской жизни (Картинки с натуры)» (1878). В этих произведениях в центре повествования находятся герои – представители духовного сословия.

Существует несколько причин, побудивших Н.С. Лескова обратиться к изображению духовенства. В.М. Гуминский отмечает следующие: «чисто полемические задачи, стремление противопоставить свой образ города как имеющего безусловную общественную и моральную ценность всей “обличительной” традиции изображения духовенства» [Гуминский 1983: 251], актуальность во второй половине 60-х гг. XIX в. вопросов о положении православного духовенства и, наконец, продолжение разработки проблемы национального характера [Гуминский 1983: 251].

Правда для Савелия Туберозова из «Соборян» оказывается важнее исходящих от государства церковных норм. Именно он решается на «бунт» и стоит за свои убеждения до конца, отказываясь от возможности вернуться к служению. В «Мелочах архиерейской жизни» церковные порядки изображены уже сатирически – в образах архиереев. Н.С. Лесков обращается к критике норм и правил церкви, которые «сковывают» священников, отчуждают их от общества. Позже в «византийских» легендах Лесков продолжает критику церкви как социального института и переходит к непосредственному противопоставлению официальной церкви образам героев-праведников, которые ведут «неправедный» и не согласующийся в церковным христианским учением образ жизни.

Согласно хронологии, «Повесть о богоугодном дровоколе» (1886) была написана раньше остальных. Это произведение отличается от первоисточника (Пролога) незначительно. Так, И.Н. Минеева выделяет следующие отличия: «Лесков сохраняет его идею и фактическую канву. Однако при переписывании он полностью переводит церковнославянский текст на современный русский язык (за исключением фрагмента, где старец говорит о своем житии), сокращает “длинноты”, опускает религиозную сентенцию» [Минеева 2003: 132].

Сюжет легенды строится вокруг одного события – засухи на Кипре. Это событие помогает подвести читателя к праведнику в легенде – нищему старику дровоколу. Интересно в связи с этим рассмотреть этапы осознания епископом «истинной» праведности этого героя. Сюжет прозрения подразделяется на три этапа: недоверие по отношению к дровоколу, затем удивление в связи с тем, что случилось чудо, и, наконец, уважительное отношение епископа и народа к праведнику.

Оппозиция формализации жизни церкви и «праведничества» в целом представлена на уровне системы образов. Образ епископа в «Повести...» противопоставлен образу дровокола. В основе их противопоставления лежит отношение к религии (христианству), отношение к жизни каждого из героев, а также их образ жизни. Так, если в речи дровокола, когда он говорит о себе, есть черты уничижения («Я самый обыкновенный грешник и провожу мою жизнь в ежедневной житейской суете и в хлопотах...») [Лесков 1989: 101]), то у епископа этих черт нет. Несмотря на то что в

произведении не дана история жизни епископа, в его характере подчеркиваются лишь положительные черты: «Во главе тамошнего местного духовенства находился тогда епископ, человек, надо полагать, очень добрый, участливый и чистосердечный. Он принимал скорбь народа близко к своему сердцу...» [Лесков 1989: 98]. Однако «истинным» праведником оказывается не епископ, а нищий работник. С образом дровокола связан один из важнейших мотивов легенды – «мотив христианской любви, представленный конкретными примерами подвижничества, смирения» [Шмелева 2001: 15].

Очень показателен в плане взглядов Н.С. Лескова на христианство тот факт, что точное следование епископа церковным положениям показано в легенде как «ложный» путь. В то же время менее праведная, с точки зрения церковных реалий, жизнь оценивается автором как более «правильная», а значит, и праведная. Это связано с несколько иным пониманием христианства писателем, о чем говорила И.П. Видуэцкая: «Полемизируя с реакционным публицистом К. Леонтьевым, автором брошюры “Наши новые христиане. Ф.М. Достоевский и гр. Лев Толстой” (1882), Лесков, воспринимавший Евангелие в первую очередь как всеобщий моральный кодекс, отстаивал “еретический” взгляд на христианство не как на религию страха, а как на религию любви» [Видуэцкая 1981: 186].

Более подробно идею «праведничества» Н.С. Лесков разрабатывает в «Скоморохе Памфалоне» (1887). Именно в этой легенде, по верному замечанию Н.А. Непомнящих, дана «более многоцветная и велеречивая по стилю» версия сюжета о праведниках [Непомнящих 2013: 218].

Проблема истории создания «Скомороха...» была рассмотрена И.Н. Минеевой. Она отмечает некоторые смысловые отступления от Пролога: «В процессе фиксации Лесков вступает в полемику с первоисточником и вносит в него концептуальные изменения. Декларируемая в Прологе идея спасения души в конспекте затушевывается. Наиболее значимой и интересной для писателя стала проблема праведничества» [Минеева 2015: 74]. Другими словами, Лесков предлагает иную интерпретацию истории Пролога: истинным праведником оказывается не столпник, как в первоисточнике, а скоморох. Более того, известно, что повесть подвергалась правке, поскольку была запрещена в 1887 году. Первоначальный вариант заголовка – «Боголюбезный скоморох». Это название отсылает нас к прилагательному «богоугодный» в названии предыдущей легенды и создает таким образом циклообразующую связь с более ранним произведением писателя.

Сюжет легенды основан на повествовании о жизни главного героя – бывшего богача Ермия. Ермий изначально ставит себя выше людей, которые ведут «неправедную» жизнь: «Во все это время он молился богу

и желал позабыть о лицемерии и о других злобах, которые он видел и которыми до боли возмущался» [Лесков 1989: 116]. Он самолюбив, эгоистичен и не способен помогать людям бескорыстно. Только рассказ Памфалона несколько меняет восприятие Ермия, и тот понимает истину, которой интуитивно всю жизнь следовал скоморох и о которой не знал он сам: «Птицы должны жить в скале, а человек должен служить человеку» [Лесков 1989: 164]. Но между ним и скоморохом вечно стоит преграда – слово «самоумнение».

Скоморох в легенде имеет множество общих с дровоколом из «Повести...» черт характера. Например, он, рассказывая о своей жизни в целом, называет ее недостойной, грешной: «Я ведь сын греха и как во грехе зачат, так с грешниками и вырос...» [Лесков 1989: 132]. Кроме того, в его образе воплощены два важнейших мотива: истинной христианской любви к людям и служения «на благо ближнему» [Шмелева 2001: 15]. Так, ради спасения Магны и ее детей скоморох жертвует последними деньгами и вновь становится нищим. Несмотря на свои «неправедные», с точки зрения христианского церковного учения, деяния (выступления на вечерах у гетер, сама скоморошеская деятельность, распитие вина), Памфалон причисляется Лесковым к числу праведников. Именно благодаря таким качествам, как стремление к самопожертвованию, к бескорыстной помощи другим людям, этот герой и является праведником.

Эволюция осознания «праведничества» Памфалона Ермием подобна той, которая была представлена в «Повести о богоугодном дровоколе» (1886). Сначала скоморох воспринимается столпником из-за рода его деятельности как исключительно грешный человек. Пустынник, как и герои более раннего произведения, не верит, что богоугодным может быть скоморох: «Это невозможно, чтобы человек, для свидания с которым я снят с моего камня и выведен из пустыни, был скоморох? Какие такие добродетели, достойные вечной жизни, можно заимствовать у комедианта, у лицедея, у фокусника, который кривляется на площадях и потешает гуляк...» [Лесков 1989: 125]. После первой беседы с Памфалоном Ермий оценивает его как легкомысленного человека, но «доброе сердца» [Лесков 1989: 136]. Наконец, скоморох представляется ему святым, ангелом: «Теперь скоморох спал, смыв с себя скоморошье мазанье, и лицо у него было тихое и прекрасное. Ермию казалось, будто это совсем не человек, а ангел» [Лесков 1989: 137].

Таким образом, легенда «Скоморох Памфалон» (1887) включает в себя несколько оппозиций. Противопоставляется добро и зло, боголюбивость и самоумнение. Н.С. Лесков противопоставляет ложную добродетель Ермия истинному злу – испорченному обществу Константинополя, где «все злопамятовали, друг друга ненавидели» [Лесков 1989: 113], а позже – обществу Дамаска. Боголюбивость,

самоуверенность, «истинная» и «ложная» праведность напрямую связаны с образами Ермака и Памфалона. Более того, эти персонажи противопоставлены даже по внешнему виду: «В изумлении стояли друг перед другом два эти совсем не сходные человека: один скоморох, скрывший свой натуральный вид лица под красками, а другой – весь излинявший пустынный» [Лесков 1989: 129].

В конце же произведения, когда Памфалону удается стереть «грех ...жизни» Ермака [Лесков 1989: 165], звучит авторская идея о том, что человек может стать истинным праведником и обрести покой после смерти только в том случае, если он будет служить Богу и людям.

В связи с приведенным выше утверждением следует подробнее рассмотреть эпиграф к легенде. Высказывание принадлежит Лао-цзы – древнекитайскому философу, основателю даосизма. Согласно преданиям, Лао-цзы говорил Конфуцию: «Оставь свою гордость, свои многочисленные желания, откажись от этого самодовольного вида, этого чрезмерного усердия – они совершенно бесполезны для тебя» [цит. по: Элиаде 2002: 26]. По его учению, «надо жить скрытно и в неизвестности» [Элиаде 2002: 26], пренебрегать почестями, любыми социальными ценностями. Это соответствует образу жизни Памфалона.

Под несколько иным углом Н.С. Лесков рассматривает «праведничество» в «Легенде о совестном Даниле» (1888).

В сравнении с Прологом Лесков вносит в свой текст ряд изменений. Среди них А.А. Федотова выделяет принцип архаизации, изменение сематического уровня произведения [Федотова 2012: 15]. Исследователь замечает: «Дидактизм и ирония, духовная проблематика и скрытый юмор, аллегоризм и бытописание в “Легенде о совестном Даниле” не отменяют друг друга, но находятся в динамическом взаимодействии, формируя образ стилизуемой литературной традиции» [Федотова 2012: 15].

В центре сюжета легенды находится описание жизни Данилы. Остановимся подробнее на этом образе, поскольку для произведения он является ключевым. Наиболее яркая черта Данилы – совесть. На это указывает уже название легенды. Чтобы «исцелить» свою душу от греха (убийства), герой обращается и к патриарху и к Папе Римскому. Однако оба священника дают ему «неверный» ответ, поскольку сам герой чувствует, «что мира в нем нет» [Лесков 1989: 91]. Князь, как и представители церкви, не считает убийство иноверца грехом или преступлением: «Как же я тебя осужу, когда ты убил врага-супостата, некрещеного варвара! <...> По-моему, ты хорошо сделал, что убил одного варвара, а еще бы лучше сделал, если бы убил семерых варваров, тогда бы ты от меня еще большей хвалы был бы достоин» [Лесков 1989: 95]. Данилу становится понятно, что в обществе искажается учение Христа.

Искажаются понятия добра и зла, греховности и праведности, поскольку соблюдение формальностей ставится выше истинного содержания учения. Внутренний конфликт Данилы разрешается, когда он оказывает помощь прокаженному, т.е. начинает искренне служить человеку: «Когда же прокаженный совсем распался и жизнь его оставила, тогда Данила понял, что ему надлежало бы начать с первой минуты, когда он совершил грех, убив варвара...» [Лесков 1989: 97].

Благодаря своей совестливости и равнодушию к судьбе прокаженного Данила является праведником. Такой человек действует не по предписанию церкви, а по учению Христа. Поэтому, когда к Даниле приходит ученик, он дает ему совет: идти «служить людям» [Лесков 1989: 98].

Оппозиция в этом произведении представлена гораздо глобальнее и выражена ярче, чем в «Повести о богоугодном древоколе» и «Скоморохе Памфалоне». Противопоставляются два типа христианского верования. Первый тип – верование официальное. Все пункты такого учения искажаются его представителями в зависимости от государственных интересов. Так, когда Данила просит священников показать ему строки в Священном Писании, подтверждающие их слова о «негреховности» его убийства, все они сердятся и выгоняют героя. Второй тип верования – естественное, или истинное. Оно характерно для христианских общин, а также для отшельников. В «Легенде...» самым ярким его представителем является главный герой – Данила.

Отчасти к вышеназванной оппозиции подводят два эпиграфа легенды. «Слепая ненависть» – характеристика отношения глав церкви, главы государства к врагам-иноверцам. Вторая же цитата относится в большей степени к внутреннему конфликту Данилы. В ней выражена авторская идея о раскаянии главного героя и его сострадании к ближнему.

В каждом из вариантов сюжетов о «праведничестве» мы находим оппозицию истинно праведного, «естественного» образа жизни и «ложного». Если в «Повести о богоугодном древоколе» (1886) Лесков прямо ссылается на Пролог, то в «Скоморохе Памфалоне» (1887) и «Легенде о совестном Даниле» (1888) мы этого не находим. Это объясняется несколькими причинами. Главная из них – стремление писателя обойти цензуру после запрета первоначального варианта легенды, изданной в 1886 году под заглавием «Боголюбезный скоморох». В «Скоморохе Памфалоне» авторская позиция Лескова усилена благодаря эпиграфу Лао-цзы. В «Легенде о совестном Даниле» наиболее ярко противопоставлены официальные церковные установления и «естественная» вера Данилы. Из общих же черт отметим следующие: наличие мотивов истинной христианской любви к людям и бескорыстного служения другим.

Список литературы

- Видуэцкая И.П.* Творчество Лескова в контексте русской литературы XIX века // Вопросы литературы. – 1981. – № 2. – С. 148–188.
- Гуминский В.М.* Органическое взаимодействие (от «Леди Макбет...» к «Соборянам») // В мире Лескова : сб. ст. – М., 1983. – С. 233–260.
- Лесков Н.С.* Собр. соч. : в 12 т. Т. 10. – М. : Правда, 1989. – 416 с.
- Минеева И.Н.* Древнерусский Пролог в художественном сознании Н.С. Лескова : дис. ... канд. филол. наук. – Петрозаводск : [б.и.], 2003. – 282 с.
- Минеева И.Н.* Неизвестные факты из истории создания повести Н.С. Лескова «Скоморох Памфалон (старинное сказание)» // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. – 2015. – № 7 (152). – С. 74–80.
- Непомнящих Н.А.* Творчество Н.С. Лескова и сочинения И. Брянчанинова: об одном из возможных источников трактовки сюжета «Скомороха Памфалона» и «Повести о богоугодном древоколе» // Вестник КГУКИ. – 2013. – № 24. – С. 216–223.
- Федотова А.А.* Поэтика поздней прозы Н.С. Лескова: интертекстуальный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль : [б.и.], 2012. – 23 с.
- Шмелева Ю.В.* Поэтика малых жанров Н.С. Лескова (1880–1890-е годы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново : [б.и.], 2001. – 18 с.
- Элиаде М.* Лао-цзы и даосизм // История веры и религиозных идей : в 3 т. : пер. с фр. – Т. 2. – М., 2002. – С. 26–32.

THE IDEA OF “PRAVEDNICHESTVO” IN N.S. LESKOV’S “BYZANTINE” LEGENDS

The paper considers the development of the idea of “pravednichestvo” in N.S. Leskov’s “Byzantine” legends. It provides an overview how righteous men description changed in Leskov’s stories and how they are compared with the clergy. The author of the paper concludes that the legends are based on the opposition of the Church’s doctrine and the natural “pravednichestvo”.

Keywords: N.S. Leskov’s legends; Christianity; “pravednichestvo”; opposition.

УДК 821.161.1

ОБРАЗ ХЛЕСТАКОВА В РОМАНЕ В. ШАРОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕГИПЕТ»

Ю.В. Меладина

*Научный руководитель: Г.М. Ребель,
доктор филологических наук, профессор (ПГГПУ)*

В статье рассматривается интертекстуальное взаимодействие романа В. Шарова «Возвращение в Египет» с комедией Н.В. Гоголя «Ревизор». Особое внимание уделяется образу Хлестакова и мотивам самозванства и избранности, категориям истинности и ложности, с которыми сопряжен этот образ. Выявляется взаимосвязь героя комедии «Ревизор» с персонажами романа Шарова и с фигурой самого Гоголя.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь; В. Шаров; «Ревизор», Хлестаков.

В романе «Возвращение в Египет» Владимир Шаров неоднократно обращается к произведениям Николая Васильевича Гоголя. В тексте